

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

Лабиринт света и Рай сердца

[Извлечения из текста]

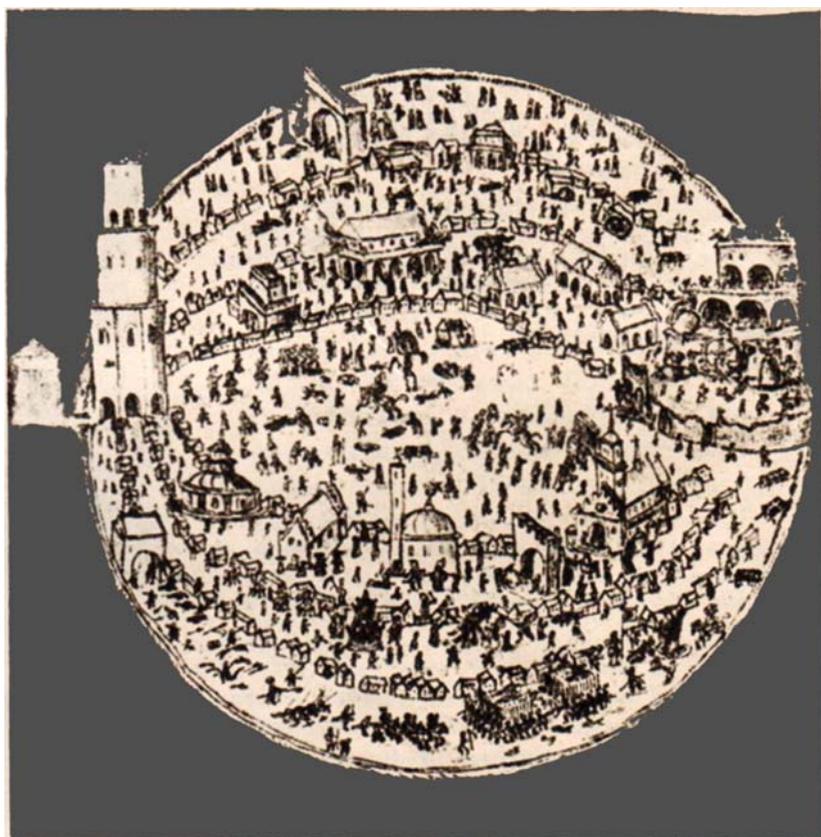

Рисунок города, выполненный Я. А. Коменским для рукописи его замечательной книги «Лабиринт света и Рай сердца».

*Видел я все дела, какие делаются под солнцем,
и вот, все – суета и томление духа!*

Екклесиаст 1,14

Лабиринт света и Рай сердца*, сиречь ясное изображение того, как на этом свете во всех делах его нет ничего иного, нежели только маета и метания, мытарства и морока, призрак и обман, тяготы и печали – и, наконец, отвращение от жизни и отчаяние; но кто затворяется в сердце своем с единым Господом Богом, тот воистину полное успокоение души и восторг обрящет.

К читателю

<...> *Б*удь же хвала милосердию Господню за то, что и мне отворил Он глаза на разнообразную суету этого напыщенного света и жалкий везде обман за внешним его блеском, научив не на земле искать покоя и твердости духа. С целью показать это нагляднее себе и другим и задумал я пуститься в путешествие – побродить по миру; и сколько я чудных вещей по пути видел или встретил, и где мне в итоге удалось найти утешение, которого я напрасно пытался достичь в мире, – все это изображено в настоящем моем сочинении. Сколь остроумно – об этом не пекусь: дай лишь Бог, чтобы с пользой для меня самого и моих ближних.

Не басня то, читатель, что предстоит тебе прочесть, хотя подобно басне; нет, тут все правда: проникая в суть, ты и сам поймешь это, особенно если тебе известно кое-что о моей жизни. Ибо изображал я здесь большей частью то, с чем сам в продолжение немногих прожитых мною лет столкнулся или что у других увидел либо от кого узнал. Но и из моей жизни я даже еще не все взял, опустив иное из стыда, иное же – не зная, послужит ли то на пользу другим.

Провожатыми были для меня, как и для всех, кто блуждает на этом свете, дерзновенность всепроникающей мысли и застарелая привычка к правде, срывающая с прельщений света ложные покровы. Кто последует за ними с умом, увидит со мною жалкое мельтешение человеческого племени; если же тебе почудится иное, знай, что нос твой оседлал очки всеобщего заблуждения, через которые ты все не так видишь.

Из главы I

О причинах путешествия в свет

*В*ступивши в возраст, когда разум человека начинает отличать доброе от злого, и увидев между людьми всякие сословия, состояния, занятия и

* Перевод с чешского С. С. Скорвида, впервые напечатанный в кн.: Коменский Я. А. Лабиринт света и Рай сердца. – М.: Издательство «МИК», 2000. Здесь публикуется новый, исправленный вариант, графически оформленный в более точном соответствии с подлинником.

труды, которым они предаются, ощутил я потребность поразмыслить как следует, к которому мне отряду людей примкнуть и какому делу посвятить свою жизнь.<...>

После таких мучений и душевных метаний я наконец решил раньше посмотреть всевозможные дела человеческие, которые творятся под солнцем, и, посравнив их разумно друг с другом, лишь затем выбрать себе поприще, распорядившись так, чтобы в покое наслаждаться жизнью на свете. И чем я долее об этом думал, тем более люб мне был такой путь.

Из главы II

Путник получил в проводники Всеведа

*У*так, вышел я из дома и стал озираться по сторонам, обдумывая, с чего бы начать. Вдруг откуда ни возьмись явился передо мною некто с бодрой походкой, юркими зрачками и быстрой речью, как будто ноги, глаза, язык — все у него было на шарнирах. Поравнявшись со мною, стал он спрашивать, откуда я и куда направляюсь. Я на это, что, мол, вышел из дома, собравшись побродить по белу свету и кое-что испытать.

Он же, одобрив, спросил: «А кого ты взял в проводники?» — «Никого, — отвечаю. — Доверяюсь Богу и своим глазам, надеюсь, что они не обманут меня». — «Этак у тебя ничего не выйдет, — говорит он. — Слышал ли ты о Критском лабиринте?» — «Кое-что». — «Чудо света: здание, где столько было покоев, помещений, коридоров, что пришедший без провожатого, туда-сюда метаясь, не мог из него выйти! Так вот это — просто игрушка против того, как выглядит, особенно ныне, лабиринт света. Не советую тебе пускаться туда в одиночестве, поверь моему опыту».

«Кого же пригласить мне провожатым?» — спросил я. А он в ответ: «Я и есть для того, чтобы таких, которые хотят увидеть и узнать кое-что на этом свете, сопровождать и показывать им, что и как; за этим я и к тебе также вышел». Я подивился: «Да кто же ты такой, мой милый?» — «Имя мое Всевед, прозвище Вездесущ, — говорит он. — Я по всему свету хожу, во все углы гляжу, про все слова и дела людей пытаю, все явное ведаю, тайное выуживаю и исследую — короче, без меня ничто не обходится, мое дело за всем следить; ступай же за мною, и я проведу тебя по многим таким местам, в которые тебе без меня никогда не попасть»

Из главы III

Путник обзревает сословие и образ жизни людей женатых

У вот взяли меня они и повели в улицу, где, сказали, живут женатые, чью-де сладкую жизнь мне всю как есть покажут. Глядь — стоят ворота, слывущие, говорят, Вратами обручения; перед ними широкая площадь, на ней же толпы людей обоего пола, которые, прохаживаясь, заглядыва-

ли друг другу в глаза, мало того — рассматривали уши, нос, зубы, шею, язык, руки, ноги и иные члены, даже мерили друг друга, сколь кто высок, широк, толст или тонок. Подступались, отступали, то спереди, то сзади, то слева, то справа оглядывая других и все то, что на них видели, а особенно, замечал я, суму, мошну и кошель в длину и вширь, пухлые ли, тугие или тощие, измеряли и взвешивали. То вдруг несколько их на одну укажет, а на другую ни один не позарится; когда же кто из двоих соперника пытался отвадить, вспыхивали ссоры и драки вплоть до смертоубийства. Иной, изгнав второго, тут же сам был изгнан прочь третьим; иной, повыгоняв остальных, бежал также. Другой, не тратя времени на смотрины, хватал кого поближе и вел за руку к воротам.

Видевши много таких нелепиц, спросил я, что эти люди делают. Толмач же ответил: «Это — желающие попасть в улицу женатых; но, так как туда никого не впускают поодиночке, а только парами, каждый должен выбрать себе спутника. Вот они тут и выбирают, всяк ища себе под стать; как кто найдет — шагает бок о бок с избранницей к воротам». — «А нельзя ли выбирать попроще? — спросил я. — Трудно ведь этак!» Но он возразил: «Не труд это для них, а блаженство. Разве ты не видишь, как они при этом веселятся, смеются, поют и ликуют? Нет радостнее жизни на свете, так и знай». Я же смотрю и примечаю, что хотя одни смеются и ликуют, но многие, повесив голову, уныло с клюкой ходят, маются, мечутся туда-сюда, страдают без сна и пищи и даже теряют разум. И спросил я: «А как же эти?» — «И для них это блаженство», — ответил толмач. — «Пусть так, — сказал я. — Пойдем дальше: что-то там делается?»

И вот мы протолкались в этой толпе и приблизились к воротам. Гляжу — перед самым входом подвешены весы с двумя чашами, а около них ждет народ. И ставили каждую пару на чашу тех весов и смотрели, равный ли вес; так не раз обоих сводили вместе и разводили врозь, пока весы, покачивавшись, не приходили в равновесие. И только взвесив как следует, впускали их наконец в ворота. Но не всем так везло. Иные сваливались с весов людям на смех и с позором брели прочь; к тому же на уши им напяливали не то колпак, не то мешок и потешались над ними. Насмотревшись на это, я спросил, что же тут делается. А толмач ответил: «Обручение, дабы надежней было. Если на весах равный с равным, то допускают их в это сословие, если же нет, отлучают друг от друга».

— «Да что же это за равенство? — спросил я. — Бывает, двое на весах и возрастом, и положением, и всем иным схожи — ан одного долой; а другой раз не ровня вместе сядет, или дед вековой с молодой, или юноша со старухой, одна чаша вверх, вторая вниз — а говорят, что, мол, подходят: как же так?» А он в ответ: «Не все ты видишь. Хоть верно, что старики и фунта пряжи не потянут, но у кого есть тугая мошна или шляпа, перед которой все прочие шляпы снимаются, или еще что-то подобное (ведь все это тоже идет на весы), того уважат не по-твоему».

Двинулись и мы за теми, которых впускали внутрь, и нашли в воротах кузницу, где все эти пары оковывали страшными веригами и только скованным позволяли следовать дальше. При этом заковании было много людей, которые, как объявили мне, нарочно созывались в свидетели; они тем парам играли, пели и желали не ведать горя. Всмотрелся я и заметил, что их цепи были не как у каторжников, на замке, но закованы, приварены, запаяны, что бы всю жизнь не могли их люди ни разомкнуть, ни разорвать. И я в испуге вскричал: «О, лютая тюрьма! Кто однажды сюда попадет, тот навеки оставь надежду вернуть свободу». Толмач же ответил: «Конечно, эти узы самые прочные среди всех уз человеческих, но незачем их бояться, ибо иго это сладостно; ты и сам поймешь, как отраднa такая жизнь». — «Тогда вперед, — сказал я, — чтобы я понял».

И вступили мы в улицу; там же — целая толпа таких людей, и все в парах; да только многие, как показалось мне, впряжены неравно: крепкие с тшедушными, красивые с безобразными, старые с молодыми. Приглядевшись пристальнее, что они делают и чем же так сладостно это состояние, обнаружил я, что они друг на друга любят, друг с другом беседуют и то ласкаются, то целуются. «Вот видишь, — сказал мне толмач, — как прекрасно супружество, когда благополучно!» — «Так значит, когда оно благополучно, это вершина счастья?» — «Конечно,» — говорит он. А я: «Невелико же счастье, и стоит ли оно этих оков — не знаю».

Гляжу я дальше и вижу, как много у тех бедняг забот и хлопот. У большинства следом длинной бечевой плелось потомство, которое в черед за общий повод тащили. Отпрыски их кричали, верещали, скверно пахли, озорничали, хворали и гибли; ценою же каких мук и слез и с какой опасностью для собственной жизни на свет их производили — промолчим. Кто из них подрост, двойная была с теми забота: держать в узде и к тому же подгонять их вслед за собою; но нередко, невзирая ни на узду, ни на кнут, они докучали родителям так, что те рыдали в изнеможении. Если же давали им волю или сами они срывались с привязи, для родителей это был позор и погибель. То тут, то там наблюдая подобное, я принялся выговаривать некоторым, равно родителям и их чадам, одних остерегая от ослиной любви к детям и лишних потачек им, у других взывая к совести. Но малоги я достиг: только смотрели на меня косо да осыпали насмешками, а то и прибить грозилась. И стал я восхвалять долю бесплодных, каких здесь видел; но те тосковали и оттого, что

нет у них утешения, унывали; тогда я понял: иметь ли детей, не иметь ли — все супругам горе. Вдобавок почти каждая такая пара для услуг себе и своим детям содержала множество чужих людей, которых нередко более себя и всех своих должна была блюсти и при этом многое от них терпеть. В довершение и тут, как на той площади, предостаточно было препятствий и преград: камней, стволов, ям. Если зацепится один, споткнется, упадет, ушибется, второй — некуда деваться — вместе с ним и стонет, и

плачет, и страдает. И понял я, что над всеми в этом сословии тяготеет не одна забота, печаль либо опасность, но столько их, сколько людей с кем в жизни связано. И не полюбилось мне это сословие.

Мало того, следя за иными из толпы, узрел я настоящую драму. Ибо меж закованными подчас не бывало единомыслия: один хотел одно, другой – другое, один – сюда, другой – туда, так что оба ссорились, бранились и грызлись. Призывали даже прохожих, жалуясь кто на что, а если не было никого, кто решил бы их спор, бросались яростно друг на друга с кулаками да с дубинами; мирил ли кто их – мигом сцеплялись снова. Некоторые долго перечили друг другу, гнули каждый свое – а под конец как рванутся всяк в свою сторону: то-то был раздор и зрелище для всех, кто кого перетянет! Бывало, одолевал муж, а жена, как ни цеплялась за траву, за землю и за что могла, волочилась за ним; а бывало, что она волокла его. Другие над тем смеялись, но мне это скорее казалось достойным жалости, нежели смеха; да многие в этой тяжкой доле и плакали, вздыхали, воздевали руки к небу и восклицали во всеуслышание, что все серебро и золото готовы отдать за избавление от этого плена. И спросил я своего толмача: «Неужто же нельзя помочь им? Развязать и отпустить друг от друга, раз уж нет в них согласия?» – «Нельзя, – ответил он. – всю свою жизнь они должны быть вместе». – «О, жесточайшая тюрьма и неволя, – сказал я, – ты горше смерти!» А он: «Раньше нужно было думать. Поделом им и мука!»

Поглядел я опять и заметил, что Смерть своими стрелами их выбивает и добивает – и тут же у людей спадают оковы. Я и рад был за них, ожидая, что и они будут счастливы обрести желанное для них избавление. Но диво: едва не каждый плакал и рыдал так, что раньше я такого и не слышивал, ломал руки и тужил о постигшей его беде. Что до тех, которых прежде видел я мирно живущими вместе, было мне ясно, что они и впрямь тоскуют друг без друга; об иных же подумал я: это они так только на людях; ну да уж опомнятся, готов поклясться, и другим станут советовать поостеречься этих оков! А между тем – не успел я и оглянуться – они, поутирав глаза, снова бежали к воротам и возвращались опять в оковах. И сказал я в гневе: «О чудовища, вы недостойны сожаления!» А провожатому: «Пойдем отсюда, я в этом сословии вижу лишь тшету и ничего более».

Из главы XVII

Путник обзревает религии

Увывели меня какими-то дворами на площадь, где было много построенных на разный манер храмов и часовен и толпы входящих туда и выходящих оттуда. Мы направились в ближайший из храмов – а там со всех сторон резные и литые фигуры мужчин и женщин, изображения

всевозможных зверей, птиц и гадов, деревьев и прочих растений, солнца, луны и звезд и даже мерзких чертей! Всяк входящий, выбравши себе изображение по душе, опускался перед ним на колени и целовал его, воскурял благовония, сожигал жертвы... Подивился я, что, совершая свои обряды чуть ли не каждый посвоему, они терпели друг друга и спокойно мирились с чужими убеждениями (чего я потом уже нигде не видел), но смущал меня тут какой-то тяжелый дух и одолевал страх, так что я поспешил выйти вон отсюда.

Затем направились мы в соседний храм, круглый и не менее изящный внутри, чем прежний, также без украшений, не считая некоторых надписей на стенах и ковров на полу. Люди в нем вели себя тихо и благоговейно; одетые в белое, являли они нарочитую любовь к чистоте, беспрестанно совершая омовения, и щедро раздавали милостыню. Любо было мне их обличье, и я спросил: «В чем же сей веры основа?» А Всевед отвечал: «Она у них под платьем спрятана». Я подошел поближе и попросил поглядеть; провожатые же мне, что, кроме толкователей, никому этого видеть не подобает. Но я настаивал, помахивая разрешением, кое дал мне Рок.

Тогда они достали и показали мне плиту, на которой стояло дерево вверх корнями, устремленными в небо, и вниз ветвями, уходящими в землю; их подрывало множество кротов, а вокруг ходил самый большой крот, созывая других и руководя всей работой. И объяснили мне, что под землей, на ветвях дерева, растут прекраснейшие плоды, которые-де эти тихие трудолюбивые зверьки добывают. «В том-то, — сказал Всевед, — и состоит смысл оной веры». Тут я понял, что она основана на пустых предрассудках, ежели цель и венец ее — рыться в земле и, чая невидимого блаженства там, где его нет, слепо искать неведомо чего.

Когда же мы вышли оттуда, я осведомился у своего провожатого: «А чем они подтверждают, что это надежная и истинная веры основа?» Он в ответ: «Ступай и взгляни!» И пришли мы на площадь позади храма — а там эти совершившие омовение люди в белом, засучив по локоть рукава, сверкая глазами и закусив губы, со страшными криками метались туда-сюда, рубя саблями кого попало и чуть ли не купаясь в человеческой крови. Я в страхе отшатнулся и спросил: «Что это они делают?» Ответили мне: «Спорят о вере и доказывают, что Коран есть истинная книга».

Из главы XVIII

Путник знакомится с религией христианской

Видя мой испуг, сказал мне провожатый: «Пойдем, я покажу тебе христианскую религию, которая зиждется на истинных откровениях Божиих и, удовлетворяя как простых людей, так и мудрецов, в ясном свете явля-

ет небесную правду и над противными ей ересями торжествует, которую украшают согласие и любовь и которая, несмотря на многие превратности, поныне выстояла и стоит непоколебимо. Из чего нетрудно заключить, что она от Бога берет начало и что ты в ней подлинное утешение обрести сможешь». Обрадовался я таким речам, и мы пошли.

Войдя в ворота, я увидел огромную толпу людей; среди ее некоторые, отличавшиеся от других облачением, стоя на возвышениях, показывали остальным образ так искусно написанный, что чем кто долее на него глядел, тем более ему дивился. Хранители того образа всячески его превозносили, называя Сыном Божиим и уверяя, что в нем воплощена величайшая благодать и что он послан с небес на землю, дабы люди взяли с него пример добродетели.

Между тем услышал я, как многие призывают, чтобы каждый старался походить на сей образ; и вижу, что люди собираются вместе, а те, кому он вверен, понаделав небольших с него слепков, раздают их в каких-то облатках и все благоговейно кладут их в рот. Я спросил, что это они делают. И ответили мне, что мало смотреть на тот образ снаружи, следует принимать его и внутрь, дабы приблизиться к его совершенству, так как перед этим небесным лекарством все грехи отступают. Каковым разъяснением удовлетворюсь, почел я христиан блаженнейшими из людей, коли есть у них такие средства и способы побеждать зло.

Но, глядя на иных, которые незадолго до того, по их словам, приняли в себя Бога, я увидел, что они предаются сплошь пьянству, сварам, похоти, воровству и разбою. Не веря своим глазам, пригляделся я пристальнее и убедился, что они и вправду пьют и блюют, ссорятся и дерутся, хитростью и силой ближних обирают и обдирают, от буйного нрава регочут и скачут, визжат и свищут, развратничают и прелюбодействуют хуже, чем кто другой; короче, все вопреки тому, чему их учили и что они обещали соблюдать. Опечалюсь этим, я с жалостью вскричал: «Ради Бога, что же тут творится? Не того я ждал!» — «Не удивляйся излишне, — ответил мне толмач. — Ведь тут людей побуждают достичь высокой степени совершенства, на которую не каждому дает взойти человеческая слабость; вожди их более совершенны, но простой человек в земных своих тяготах за ними поспеть не может». — «Так пойдем к вождям, — сказал я, — не терпится мне посмотреть на них!»

И подвел он меня к стоявшим на возвышениях, которые призывали народ возлюбить тот образ, хотя, как мне показалось, не очень усердно: коли кто прислушивался к их увещаниям и им следовал, то и ладно, а коли нет — тоже ничего. Некоторые гремели какими-то ключами, похваляясь, будто в их власти затворить перед всяким ослушником врата к Богу, однако не затворяли их ни перед кем, а если и пытались, то как бы шутя. И заметил я, что не слишком смело смели они это делать, ибо когда кто-то из них выступал чуть рече, все на того обрушивались, что

он якобы переходит на лица. Поэтому иные, не отваживаясь высказаться устно, на письме обличали пороки, но и тех ругали, что пасквили сочиняют, и либо отворачивались от них, дабы того не слышать, либо гнали их с возвышений, выдвигая кого поумереннее. При виде этого я сказал: «Как глупо, что все они этих вождей и наставников своими приверженцами и льстецами хотят видеть!» — «Таков уж мир, — возразил толмач, — и это ему не во вред. Ведь если бы этим крикунам все дозволено было, кто знает, на что бы они не посягнули... Надобно их держать в границах».

«Давай же, — предложил я, — посмотрим, как дома, вне кафедры, устраивают они свою жизнь; там-то им, надеюсь, никто помех и преград не воздвигает!» И отправились мы туда, где обитали священнослужители. Увы, меня найти их занятыми молитвою и испытующими тайны, увидел я, как одни, развалясь на перинах, храпели, иные же за полными яств столами пировали, до немоты объедаясь и упиваясь, иные плясали и прыгали, иные мешки, сундуки и кладовые набивали, иные предавались прелюбодеянию и волокитству, иные нацепляли шпоры и обвешивались кинжалами, шпагами и мушкетами, иные устраивали псовую охоту на зайцев, так что за Библией все немного времени проводили, а некоторые едва ли когда и в руки ее брали, именуя себя притом наставниками в Священном Писании. При виде всего этого я вскричал: «О горе, таковы ли должны быть вожди, увлекающие к небесному, и образцы всяческой добродетели? Найду ли я что в мире, в чем не будет наваждения и обмана?» Слыша мои слова и уразумев, что я пеняю на несправедную их жизнь, некоторые из проповедников начали смотреть на меня косо и возмущаться: мол, если мне ханжи и святоши надобны, то я не там ищу; уж они-то знают, как и в церкви исполнять свой долг, и дома меж своих почеловечески обходиться. И пришлось мне умолкнуть, хотя я ясно видел, как это скверно, ежели у кого латы поверх сутаны и шлем поверх митры, в одной руке Библия, а в другой — меч, спереди ключи Петра, а сзади — кошель Иуды, разум, изощренный в Писании, а сердце интригана, язык набожный, а глаза шальные.

Выйдя же оттуда, увидел я вокруг их храма множество часовен, по которым расходились спорившие из-за пробного камня — и за всяким тянулась толпа людей, коих вожди наставляли, как и чем им отличаться от прочих. Одни наказывали своим сторонникам метить себя водою и огнем, другие — всегда носить с собою крест, зажатый в горсти или спрятанный в кармане, третьи — кроме главного образа, на который всем надо равняться, как можно более иных, помельче, держать при себе для лучшего совершенства, четвертые — не преклонять колен во время молитвы, так как это фарисейский обычай, пятые — музыки, от которой происходит одно беспутство, в своей среде не терпеть, шестые — не отдавать никого в учение, в самих себе лишь откровениями Духа довольствуясь. Короче, осматривая те часовни, всюду видел я особые установления.

Впрочем, были здесь и такие, которые, говоря, что им нет дела до этих междоусобиц, брели своей дорогой в тихой задумчивости, нередко обращали взор к небу и ласково со всеми обходились, сами невзрачные, оборванные, изнуренные постами и жаждой. Остальные поднимали их на смех, кричали и свистели им вслед, задирали, толкали, тыкали в них двумя растопыренными пальцами, подставляли подножки и всячески обзывали, а они все это терпели, шествуя среди прочих подобно слепым и глухим. Заметив, как они выходили из какого-то закутка на хорах и тут же возвращались, я захотел подойти и посмотреть, что там у них такое, но толмач меня одернул: «Зачем тебе туда? Собрался тоже выставить себя на посмешище? Нашел к чему тянуться...» И я остался. Увы, какая ошибка! От средоточия неба и земли, от пути к полнейшему успокоению злосчастным моим Наваждением отваженный, я снова ввергнут был в блуждания по лабиринту света, доколе мой Бог меня от них не избавил и не вернул на путь, которого я вовремя не выбрал.

Из главы XXXIII

Христос его посетил

Так размышляю я обо все этом и жду, что будет дальше. Вдруг откуда-то свыше блеснул яркий свет, и я, подняв глаза, увидел, как верхнее то окно полнится заревом, в котором спускается ко мне некто, обликом схожий с нами, людьми, блеском же — истинный Господь Бог. Лик Его сверкал необычайно, однако это сияние для зрения человеческого терпимо было: не страх от него исходил, но некая сладость, подобной которой я нигде в свете не видел.<...>

<...>Взирал Я, сын Мой, на твои блуждания, но, не желая долее терпеть этого, привел тебя к Себе, то есть к тебе же самому. Ибо именно здесь избрал Я себе чертог, и ты, если хочешь пребывать со Мною, найдешь при Мне то, чего напрасно искал в свете: покой, утешение, славу и полное довольство; обещаю тебе, сын Мой, тут ты не разочаруешься, как там!»

Из главы XXXIV

Уговор между обоими

<...>Ты видел в мире, какие плодят люди церемонии и споры вокруг церковных обрядов. Твоя же вера да будет смиренно служить Мне и обрядами себя не связывать, ибо и Я тебя ими не связываю. И если ты так Мне, как Я тебя учу, от всей души и истинно служить будешь, можешь не вступать ни с кем в свары из-за этого, хотя бы тебя даже ославили лицемером, еретиком и кем угодно: заботься только о покорном служении Мне.

<...>Иные, как ты видел, жаждут славы и почестей; ты же презирай людскую молву: пусть говорят о тебе доброе или худое — все равно, лишь бы Я был тобой доволен. Зная, что ты люб Мне, не старайся нравиться людям: любовь их непостоянна, не всеобъемлюща и не искренна; часто они любят то, что достойно ненависти, и ненавидят то, что достойно любви. Да и невозможно всем угодить — тщась добиться приязни одного, прочих против себя восстановишь. Поэтому лучше всего ты поступишь, если остальными пренебрежешь, ко Мне единому устремившись. Если мы будем друг с другом в согласии, то ни тебе, ни Мне язык человеческий ничего не прибавит и ни у тебя, ни у Меня ничего не убавит.

<...>И сказал я: «Господи Боже мой, ныне я постиг, что в Тебе едином заключено все, и у кого есть Ты, тому легко оставить свет, ибо в Тебе найдет он более, нежели может пожелать. Теперь я понял, что заблуждался, бродя по свету и ища покоя в вещах рукотворных, однако с этого часа иного себе наслаждения, помимо Тебя, не жажду, но всецело отдаю Тебе. Укрепи же меня, дабы мне опять не отпасть от Тебя и не обратиться к вещам рукотворным, ввергнувшись вновь в то безумие, коего полон этот мир. Да хранит меня Твоя милость, на которую я полагаюсь».

Из главы XII

Путник в невидимую церковь направлен

«Тюкуда же, чтобы укрепить тебя во всем этом и чтобы ты истинно постиг то счастье, для коего Я теперь тебя призвал, отсылаю тебя к другим Моим слугам, которые ранее покинули этот свет и вверились Мне, поглядеть на их жизнь». — «А где они живут, Господи? — спросил я. — Где их искать?» — «Они рассеяны повсюду в мире среди прочих людей, — был мне ответ, — но мир их не знает. Поэтому, чтобы ты их отличил и притом, пребывая еще в свете, доколе Я не уведу тебя оттуда, от его наваждений защищен был, вместо очков и узды, что поначалу на тебя надели, возлагаю на тебя вот это Мое ярмо послушания, в котором ты ни за кем, кроме Меня, последовать не сможешь, а впридачу даю очки, сквозь кои ты и мирскую тщету, если захочешь поглядеть на нее, лучше распознаешь, и радость Моих избранных узришь». (Оправую тех очков было Слово Божие, а стеклом — Дух Святой.) «Теперь ступай, — сказал Он, — и вернись на то место, которое ты прежде пропустил; там ты увидишь нечто такое, чего бы ты тогда, без этих очков, и не заметил».

Я, припомнив, где и что пропустил, поднялся и поспешил туда с горячностью, не обращая уже внимания на шумный свет вокруг. И вошел я в храм, именуемый Христианство, и, завидев в глубинной его части, на хорах, занавесь, отправился напрямик туда, не глядя по сторонам на ссорящихся между собой членов разных сект. Тут-то я впервые понял, что это за закуток, зовомый Praxis christianismi, то есть Правда христиан-

ства. Занавесь, его окружавшая, была двойная: внешняя, видимая снаружи, темного цвета, которая называлась *Contemptus mundi*, или Презрение к мирскому, и светлая внутренняя — *Amor Christi*, сиречь Христова любовь. Эти два покроя, как я наблюдал, отгороживали то место, отделяя от прочих частей храма, причем внутреннего снаружи видно не было. Кто же входил за этот второй покров, тотчас становился иным, нежели остальные люди: исполненным блаженства, радости и покоя.

Стоя еще вовне и озираясь, заметил я нечто странное и достойное удивления: что тысячи людей блуждают вокруг этого места, но внутрь не входят — не видят ли его, пренебрегают им или оно снаружи кажется им негодным, не знаю. Среди этих блуждающих попадались мне и мудрецы, сведущие в Писании, и священнослужители вплоть до епископов, и многие другие, почитающие себя святыми; некоторые из них даже заглядывали внутрь, но не входили, чего мне было искренне жаль. Если же кто подходил поближе, таким, как я наблюдал, или сквозь щель луч света блеснет, или же манящим на них благоуханием повеет, так что они, похоже, ни о чем другом и не помышляли, как попасть туда. Но и из этих иные, начав искать вход, но все еще оглядываясь назад, когда ослепляла их новая вспышка света, возвращались обратно.

Наконец уразумел я причину, почему столь немногие, приблизясь к самому входу за ту занавесь, попадали внутрь: суровейшее испытание, которому они тут подвергались. Всякий стремящийся войти должен был отказаться от всех богатств своих и быть без глаз и ушей, без разума и сердца, так как, мол, кто хочет быть мудрым перед Богом, пусть делается безумным; кто хочет познать Бога, пусть забудет об ином; кто хочет пребывать с Богом, пусть расстанется со всем прочим. Поэтому, когда некоторые не желали отказаться от своих богатств и познаний, доказывая, что для неба это необходимо, они оставались снаружи и не были допущены внутрь. Которых же впускали, у тех, как я видел, не только обыскивали платье, но — что неслыханно — вскрывали и внутренние органы, голову и сердце, дабы ничто нечистое не оскверняло обитель Божию. Этому подвергались они не без боли, однако небесное лекарство действовало так благотворно, что скорее прибавляло, нежели убавляло жизни. Ибо хотя из оных надрезов и проколов текла кровь, зато во всех членах человека зажигался некий огонь, от которого он совершенно преображался, так что каждый давался диву, к чему было так долго отягощать себя столь бесполезными бременами, взваливая на себя то, что свет именуется мудростью, славой, наслаждением и богатством (ведь все это и впрямь есть не что иное, как ярмо). И видел я, как хромоногие прыгали, косноязычные витийствовали, невежды посрамляли философов, а неимущие говорили, что им принадлежит весь мир.

Насмотревшись на это от входа, двинулся я дальше за занавесь и, наблюдая с неизъяснимым наслаждением жизнь тех людей, вначале всех вооб-

ше, а потом особно разного рода занятий, нашел, что все среди них обратнo тому, как заведено в мире. Там видел я повсюду слепоту и помрачение, тут же ясный свет; там обман, а тут правду; там сплошь беспорядок, а тут благоустройство; там одни мытарства, а тут покой; там заботы и печали, а тут радость; там лишения, а тут изобилие; там рабство и неволю, а тут свободу; там все было трудно и тягостно, а тут все легко; там подстерегали плачевные вездe злoключения, а тут — полнейшая безопасность. Поведаю обо всем этом немного подробнее.

Из главы XXX

Свет внутреннего христианства

Мир со всеми, кто в нем блуждает, держится чуть ли не единственно на силе привычки: одни другим в своих поступках следуют, ошупью, будто слепые, двигаясь и часто на то или иное натываясь и спотыкаясь. Но для истинных христиан двоякий ярчайший свет сияет, свет разума и свет веры, и оба они исходят от Духа Святого.

Ибо — хотя, приобщаясь к ним, каждый обязан отречься и отказаться от своего разума — Дух Святой возвращает им его еще более чистым и изощренным, так что они обретаюТ новое зрение: куда бы ни направлялись в свете, что бы ни видели, ни слышали, ни обоняли, ни осязали над собой, под собой, вокруг себя, вездe замечают следы Божии и все со страхом Божиим сопрячь умеют. Тем самым они мудрее всех на свете философов, которых праведный Божий суд ослепляет с тем, чтобы, мня себя всезнающими, они не знали и не могли понять, ни что должны они, ни чего не должны, ни чего, будучи должны делать, не делают, ни куда и к какой цели идут и дойдут ли. Все их знание заключено в наружной лишь скорлупе, то есть в поверхностном созерцании, а внутреннего ядра, какое являет собою разлитая повсюду слава Божия, оно не достигает. Христианин же во всем, что он видит, слышит, обоняет, осязает, вкушает, Бога видит, слышит, обоняет, осязает и вкушает, всегда уверенный, что это не домысел, но сущая правда.

В довершение ярко светит ему свет веры, чтобы он не только то, что видит, слышит и что ему явлено, но и все неясное и незримое внял и постиг. Ибо в Слове Своем Бог открыл и то, что за неба краем, в горних высях, и в подземных глубинах есть, и то, что прежде мира было и после будет. Все это верующему христианину предстает как будто воочию, миру же не дано этого познать. Мир не желает ни во что, кроме рукотворного, что можно удержать в горсти, верить; христианин же смело вверяет себя незримому и неясному грядущему, пренебрегая ради этого видимостью. Мир требует доказательств; христианин же довольствуется словом Божиим. Миру надобны расписки, закладные, ручательства, печати; христианин же почитает самым надежным свою веру. В мире все

друг друга подозревают, искушают, испытуют, преследуют; христианин же полагается во всем на правду Божию. Поэтому если в мире всегда есть над чем размыслить, в чем усомниться, о чем спросить себя и от чего прийти в замешательство, то у христианина всегда есть чему верить, чего слушаться и что чтить, так как ему светит свет веры, дабы он видел и знал, что все это непреложно и иначе быть не может, хотя бы даже с помощью света разума он не все проникнул.

Из главы LIII

Свобода преданных Богу сердец

<...>Свет, будучи во всем извращенным и хватаясь всегда вместо истины за тень, и тут верен себе — полагает свободою то, когда человек есть сам себе господин и никому ни в чем не поддается, чем плодит лишь лень, страсть или гордыню. Не так держится христианин: оградя свое сердце с тем, чтобы оно устремлялось с полной свободой к единому Господу, все прочее обращает на нужды ближних. Ибо видел я и понял, что нет лучше слуги или, если угодно, раба, нежели человек, вверивший себя Богу, который и за самую ничтожную работу, коей стыдился бы всякий упоенный светом, берется с охотой. Который, видя, что может помочь ближнему, не сомневается, не мешкает, не щадит себя, но и не возвеличивает своего служения, никого не упрекает, а — стяжает ли он тем благодарность или неблагодарность — неустанно служит в покое и с радостью.

О, благословенное рабство сынов Божиих, в сравнении с которым нет большей воли; рабство, когда человек, единому Господу покоряясь, свободен от всего иного! О, плачевная свобода света, в сравнении с которой ничего более рабского быть не может; свобода, когда человек, забыв о Боге, другим вещам подчиняется, служа тем, над которыми он призван властвовать, и противясь Богу, коего обязан слушаться! О смертные, когда же мы поймем, что существует единственный, кто нас выше, Господь наш, Творец и будущий Судия, который, имея власть приказывать, не приказывает нам как рабам Своим, но как детей Своих призывает Ему повиноваться, желая, чтобы мы, повинувшись Ему, были свободны и независимы. Поистине служить Христу значит царствовать! Ибо рабом Божиим быть — вящая слава, нежели быть монархом; не говорю уже о том, каково быть другом и чадом Божиим.

Глава LIV

Заключение

Тут видение исчезло, и я, опустившись на колени, поднял глаза к своему Утешителю и, насколько умел, возблагодарил Его такими словами:

«Благословен Ты, Господи Боже мой, достойный вечной хвалы и славы, и благословенно преподобное и преславное имя Твое во веки веков.

Да восхваляют Тебя ангелы Твои, и все святые да поют Тебе славу!

Ибо велик Ты в могуществе Твоем, и неисповедима мудрость Твоя, и милосердие Твое превышает все дела Твои.

Буду славить Тебя, Господи, доколе я жив, и воспевать святое Твое имя, доколе меня станет, ибо Ты утешил меня Своими милостями и наполнил радостью уста мои, вынеся меня из бурного потока и из глубокого водоворота и позволив стопам моим встать на твердую почву.

Далек от Тебя я был, Боже, о вечная сладость, но Ты, сжалившись, приблизился ко мне; ошибался, но Ты вразумил меня; блуждал, не зная, куда идти, но Ты на путь истины меня наставил; покинул и утратил Тебя и самого себя, но Ты, явившись, возвратил меня к Тебе и к себе.

Я сошел в самое пекло ада, но Ты, повернув меня вспять, дал мне изведать сладость небесную.

Да благославляют душа моя Господа моего и все нутро мое – святое Его имя!

Приугодился я сердцем, Боже, приугодился я сердцем и буду петь и ликовать во имя Твое.

Ибо Ты выше всех высот и глубже всех глубин, предивный, преславный и преисполненный милосердия.

Горе душам неразумным, которые, отойдя от Тебя, надеются обрести покой, тогда как, помимо Тебя, нет его ни на небе, ни на земле, ни в бездне – в Тебе одном заключено вечное успокоение.

Небо и земля от Тебя суть и тем хороши, прекрасны и желанны; но не так они хороши, прекрасны и желанны, как Ты, Творец их, поэтому взыскующих радости душ наполнить и насытить ею не могут.

В Тебе одном, Господи, полнота всяческой полноты, и сердца наши удовлетворены не будут, докуда не утешатся в Тебе.

Поздно возлюбил я Тебя, о вечная красота, так как поздно узнал Тебя – только тогда, когда Ты, небесный свет, воссиял мне.

Пусть молчит о славе Твоей тот, кто не познал Твоих милостей, но ты, душа моя, исповедуй Господа!

О, кто даст сердцу моему упиться Тобою, вечным благоуханием, забыв обо всем, что не есть Ты, Боже мой!

Не укрывайся же от сердца моего, прекраснейшая из красот!

А если земные дела заслонят Тебя от меня, пусть я лучше умру, лишь бы лицезреть Тебя и, пребывая с Тобой, более не терять себя.

Удерживай меня, Господи, веди меня и неси, чтобы я не отошел от

Тебя и не пал духом; позволь мне любить Тебя любовью вечной и ничего помимо Тебя, но все лишь в Тебе и ради Тебя, о бесконечная любовь!

Что еще мне сказать, Господи мой? Вот я, весь Твой навеки.

Отрекаюсь от неба и земли, лишь бы быть Твоим; не отрекись же Ты от меня – и мне одного Тебя довольно будет, неизменно и на веки веков.

Душа и плоть моя ликуют о Тебе, Боге живом: ах, скоро ли предстану я перед лицом Твоим?

Возьми меня, Господи Боже мой, когда хочешь: я готов; призови, когда и куда тебе любо, и я последую за Тобой, куда Ты велишь, и исполню все, что Ты прикажешь.

Да наставляет меня благой дух Твой и направляет по ровной дороге между земными западнями, да сопровождает меня Твое милосердие на путях моих и выведет меня из этого, увы, беспросветного мрака мира к вечному свету.

Аминь!»

GLORIA IN EXCELSIS DEO ET IN TERRA PAX HOMINIBUS
BONAE VOLUNTATIS

(Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!
(лат., Лк 2, 14).